

УДК 340.125

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS105185>

Судебный перевод: профессиональная деятельность на периферии юридического поля

Е.В. Масловская

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Актуальность обращения к данной теме обусловлена растущей вовлеченностью судебных переводчиков в судопроизводство. Цель работы — исследовать особенности профессиональной деятельности переводчиков в уголовном судопроизводстве с участием мигрантов из постсоветских государств. В статье проанализированы основные характеристики поля судебного перевода, раскрыта специфика рекрутинга судебных переводчиков и их взаимодействия с процессуальными сторонами в судах различной инстанции. Теоретической рамкой исследования выступает композиция социологической концепции П. Бурдьё, включая его анализ юридического поля и современных подходов антропологии профессий. В качестве основных эмпирических методов использованы полуструктурированные интервью и невключенное наблюдение. В статье сделан вывод о слабой структурированности поля судебного перевода и преобладании прекарного характера занятости акторов данного поля, выделены критерии стратификации судебных переводчиков. Согласно результатам исследования, судебные переводчики в значительной степени руководствуются неформальными правилами, сложившимися в повседневной практике взаимодействия с основными заказчиками — правоприменительными органами. Показано, как институциональный и социокультурный контексты оказывают влияние на профессиональную деятельность переводчиков. Автор анализирует формы взаимодействия переводчиков с процессуальными сторонами и судьей, демонстрируя издержки коммуникации переводчиков с различными акторами юридического поля. Исследование зафиксировало структурно и эпистемически обусловленные разногласия между юристами и переводчиками. Полученные данные свидетельствуют о том, что фактически судебные переводчики не являются полноправными акторами юридического поля, но исполняют техническую функцию. В перспективе решение выявленных проблем видится в институционализации экспертной позиции судебных переводчиков, а также в специальной подготовке юристов к работе в процессах с участием переводчика.

Ключевые слова: социология права; юридическое поле; уголовное судопроизводство; мигранты; судебные переводчики; межпрофессиональное взаимодействие.

Как цитировать:

Масловская Е.В. Судебный перевод: профессиональная деятельность на периферии юридического поля // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 2. С. 65–74. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS105185>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS105185>

Legal Translation: Professional Activities at the Periphery of the Juridical Field

E.V. Maslovskaya

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

ABSTRACT: The relevance of this topic is defined by the growing involvement of legal interpreters in legal proceedings. This article aims to study the peculiarities of the professional activities of interpreters in criminal legal proceedings involving migrants from post-Soviet states. The main characteristics of the field of legal translation are analyzed, and the peculiarities of the recruitment of legal interpreters and their interaction with the procedural parties in courts of different jurisdictions are revealed. The theoretical framework of the study is composed of Pierre Bourdieu's sociological theory, including his analysis of the juridical field, and contemporary approaches in the anthropology of professions. The main empirical methods include semi-structured interviews and nonparticipant observation. The study singles out the criteria of stratification of legal interpreters, and demonstrates how the institutional and sociocultural contexts influence the professional activities of interpreters. The forms of interaction of interpreters with procedural parties and the judge were analyzed, demonstrating the costs of communication between the interpreters and different actors of the juridical field. According to the results, legal interpreters follow informal rules that have been formed in the process of their everyday interaction with their main clients — law enforcement bodies. Structural and epistemic disagreements between jurists and interpreters were revealed. The research data also demonstrate that interpreters are not full-fledged actors of the juridical field, but they fulfill a technical function within that field. A conclusion is made about the weak structuring of the field of legal translation and predominance of precarious employment of actors of this field. The revealed problems could be solved by the institutionalization of the expert position of court interpreters.

Keywords: sociology of law; juridical field; criminal justice; migrants; legal interpreters; interaction of professions.

To cite this article:

Maslovskaya EV. Legal translation: professional activities at the periphery of the juridical field. *Russian journal of legal studies*. 2022;9(2):65–74. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS105185>

Received: 21.03.2022

Accepted: 08.06.2022

Published: 30.06.2022

ВВЕДЕНИЕ

Особенность переводчиков как участников судопроизводства состоит в том, что они действуют в социальном пространстве, монополизированном юристами, обладающими исключительными полномочиями разрешения конфликтов, которым придана правовая форма. При этом профессиональный статус судебных переводчиков подвергается сомнению практически всеми участниками судопроизводства. Представители обвинения и защиты не воспринимают переводчика как самостоятельного актора, обладающего собственной ролью и сферой профессиональной экспертизы, скорее, как помощника, который должен способствовать решению задач юристов. Кроме того, юристы выражают опасение по поводу возможности содействия переводчика обвиняемому в силу общности их культурного кода. Наблюдается противоречие между предписанными функциями, представлением о переводчике как о машине для перевода, лишенной каких-либо человеческих черт, и социальной природой его взаимодействия со всеми участниками процесса. Данные обстоятельства делают весьма актуальной «работу по проведению границ» [1], которую должны научиться выполнять судебные переводчики для того, чтобы утвердить и защитить свою профессиональную роль и статус.

В последние годы получили распространение исследования взаимодействия мигрантов из постсоветских государств с российскими правовыми институтами [2–4]. Однако авторы таких исследований обращались к наиболее типичным случаям, как, например, судебные дела, связанные с отсутствием у мигрантов регистрации, главным образом в Москве. Но для понимания особенностей взаимодействия мигрантов с правовыми институтами и роли судебных переводчиков в этом процессе требуется привлечение более широкого материала, относящегося к различным типам административных и уголовных дел из разных регионов России. Изменение дизайна исследования позволило, в частности, раскрыть характер взаимодействия судебных переводчиков с правоприменителями в ходе расследования уголовных дел [5]. В настоящее время в отечественной науке наблюдается недостаток социологически фундированных исследований, сфокусированных на раскрытии особенностей профессиональной деятельности судебных переводчиков и условий их работы. Данная статья восполняет существующий пробел, раскрывая особенности поля судебного перевода, условий профессиональной деятельности переводчиков и их взаимодействия с процессуальными сторонами.

Теоретические и эмпирические основания исследования

С позиций социологии профессий судебный перевод может быть отнесен к «новым профессиям» [1], которые отличает то, что они еще не связаны четко

определенной профессиональной траекторией с конкретными правилами доступа, признанным уровнем социального престижа и рассчитываемыми шансами на получение дохода. В силу слабо институционализированных отношений обмена между инвестициями и социальным признанием, новые профессии, в том числе и профессия судебного переводчика, порождают краткосрочные биографические стратегии precarious характера.

Релевантной для социологического изучения особенностей профессиональной деятельности судебных переводчиков является общесоциологическая теория П. Бурдьё [6] и его анализ структуры и принципов функционирования юридического поля [7, с. 75–128]. Концепция юридического поля характеризуется рядом исследователей как одно из основных теоретических направлений в современной социологии права [8]. В частности, в британской социологии исследования юридической профессии нередко ориентировались на подход Бурдьё [9, с. 93]. Социологи, обращавшиеся к изучению юридической профессии, отмечали рост сложности юридического поля и сопутствующие этому изменения профессиональной идентичности юристов [10–11]. Вместе с тем исследования в русле концепции Бурдьё, как правило, не выделяли профессиональные группы, выполняющие вспомогательные функции в юридическом поле, как, например, судебные переводчики.

Авторы зарубежных исследований судебных переводчиков, опиравшиеся на иные теоретические источники, фокусировались на изучении института подготовки переводчиков и профессиональных ассоциаций, условий их работы, различий в представлении о функциях и роли переводчика в юридическом контексте [12–16]. В некоторых работах [17] использовались отдельные понятия социологической теории П. Бурдьё, но не его подход к анализу стратификации профессиональных групп. Вместе с тем недостаточно учитывались такие конституирующие взаимодействие юристов и переводчиков характеристики, как асимметричность властных отношений, слабые ресурсные позиции переводчика, различающиеся цели и интересы данных групп акторов.

Согласно Бурдьё, юридическое поле представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между акторами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается в общественно признанной способности интерпретировать свод текстов, закрепляющих легитимное видение социального мира. Практики акторов юридического поля формируются на основе сходного опыта, приобретенного в ходе обучения праву и профессиональной деятельности. Как демонстрирует Бурдьё, формирование юридического поля с необходимостью предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Последние могут

выступать лишь клиентами специалистов, обладающих необходимой компетентностью, либо инструментально использоваться ими.

В целом характеристики взаимодействия между конкретным судьей, следователем или полицейским и судебным переводчиком как неспециалистом в области юриспруденции выражают структуру отношений между юридическим полем и полем перевода, которые можно охарактеризовать как символическое доминирование. В современной России именно сложившаяся структура юридического поля предопределяет воспроизводство гомологичной ей стратифицированности сообщества переводчиков, проявляющейся в постоянстве рабочих отношений отдельных групп переводчиков только с органами внутренних дел и следственными органами. Кроме того, функции судебных переводчиков, предусмотренные законодательством, видоизменяются под влиянием интересов акторов юридического поля. В свою очередь, переводчики вырабатывают различные тактики поведения в юридическом поле, поскольку они вынуждены лавировать между конкурирующими процессуальными сторонами, учитывая особенности целей и задач профессиональных участников судопроизводства, а также нередко испытывая давление со стороны диаспоры [5].

Сообщество судебных переводчиков как поле социального взаимодействия включает в себя как индивидуальных акторов — различные группы практикующих судебных переводчиков, в том числе фрилансеров и сотрудников переводческих бюро, так и институциональных акторов — переводческие компании и бюро переводов. Индивидуальные акторы занимают разные позиции внутри поля и обладают неодинаковым объемом культурного, административного и символического капитала. Задача состоит в том, чтобы не только выделить типы позиций, но и раскрыть природу отношений между позициями, описать пространственное измерение циркуляции или передвижения акторов между позициями и в конечном итоге выявить то, как юридическое поле конституирует пространство дифференцированных позиций в рамках поля перевода.

Теоретические рамки нашего исследования образуют социологическая концепция П. Бурдьё, включая его анализ юридического поля, и современные подходы антропологии профессий [18]. Основой анализа являются полуструктурированные интервью с судебными переводчиками, руководителями бюро переводов, адвокатами. Всего в 2019–2020 гг. было проведено 21 интервью. Кроме того, были использованы данные невключенного наблюдения в судах общей юрисдикции Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делам, участниками которых выступали мигранты из государств Средней Азии и Закавказья. Эмпирическая база исследования включала также материалы сайтов бюро переводов и некоммерческих организаций, оказывающих юридическую помощь мигрантам.

Особенности поля судебного перевода в современной России

Поле судебного перевода в современной России характеризуется слабой степенью структурированности. Согласно законодательству, вход в данное поле не требует документального подтверждения наличия специальных навыков и компетенций, достаточно свободного владения языком, необходимым для перевода. Границы этого поля изначально размыты и их установление, тем более поддержание, требует значительных усилий со стороны институциональных и индивидуальных акторов. Борьба за установление границ поля и возникающая в результате этого стратификация вынуждает крупные переводческие компании, претендующие на занятие доминирующих позиций, усиливать требования к стандартам деятельности судебного переводчика. Однако судебные переводчики с языков народов постсоветских стран, а также бюро переводов, с которыми они сотрудничают, образуют отдельный низовой сегмент поля перевода. В этом социальном и профессиональном пространстве акторы руководствуются правилами, сложившимися неформальным образом в повседневной практике взаимодействия с основными заказчиками — правоприменительными органами.

На сегодняшний день в России не создана единая государственная служба судебных переводчиков, рынок переводческих услуг децентрализован и представлен коммерческими организациями. В течение последних пятнадцати-двадцати лет в крупных городах стали появляться бюро переводов, специализирующиеся на переводе с языков народов постсоветских стран, учредителями которых являются, как правило, бывшие мигранты, получившие российское гражданство. В настоящее время в Москве и Санкт-Петербурге открыто несколько десятков бюро, отношения между которыми можно описать как конкурентные. Поскольку в России нет системы аккредитации как основы для закрепления профессионального статуса за судебным переводчиком, казалось, роль профессиональных фильтров могли бы выполнять бюро переводов. Однако, согласно результатам проведенного исследования, бюро переводов выстраивают свою деятельность в соответствии с рыночной логикой максимизации прибыли, в рамках которой бюро как провайдер услуг прежде всего ориентируется на запрос клиентов — правоохранительные и судебные органы — и старается соответствовать их ожиданиям и потребностям.

Особенности рекрутинга переводчиков в значительной степени определяются набором требований со стороны институциональных акторов юридического поля. Переводчики, которые работают с органами дознания и полицией, практически не пересекаются с теми, кто выполняет работу по переводу в судах. Это разные группы переводчиков. Так, для работы с органами полиции и следствия востребован не столько обладатель высокого уровня культурного капитала и компетенций профессионального

судебного переводчика, сколько тот, кто готов пренебречь репутацией профессионала и необходимостью содействовать поиску юридической истины [5, с. 47]. Обычно это мигрант, который не обладает релевантным культурным капиталом в виде диплома о высшем образовании, но способен конвертировать свой ресурс этничности и социальный капитал внутри диаспоры в ресурс, позволяющий ему войти в поле перевода.

Для большинства судебных переводчиков данный вид деятельности не является единственным. Под влиянием неблагоприятных структурных факторов и в условиях преобладания ситуативных мотивов выживания работа по переводу совмещается с другими видами занятости — от мелкой торговли до преподавания в школе или работы на небольшом производстве. Данный тип поведенческой стратегии на рынке занятости распространен, прежде всего, среди переводчиков-мигрантов, лишь незначительное число которых имеет патент на работу именно в качестве переводчика. Как правило, в патентах указаны другие специальности. По словам опрошенных руководителей бюро, часть сотрудников — те, кто переехал из бывших советских республик в Россию на постоянное место жительства и использует знание родного языка для получения дополнительного дохода. Определенный интерес работа судебным переводчиком представляет и для второго поколения мигрантов, обучающихся на юридических факультетах. Доминирующей мотивацией для них является стремление узнать «изнутри» особенности функционирования правоохранительной и судебной систем и приобрести необходимый социальный капитал перед тем, как начать работать по специальности.

Сообщество судебных переводчиков неоднородно по своему социальному составу, уровню креденциального ресурса, легальности статуса. Позиции внутри сообщества можно разделить на доминирующие и условно второстепенные, критериями выделения которых являются объем и композиция различных видов капитала, которыми обладает переводчик. В ходе исследования были выделены следующие критерии стратификации судебных переводчиков: наличие российского гражданства; регистрация и фактическое многолетнее проживание в российских городах; документальное подтверждение филологического или педагогического образования; опыт работы в государственных структурах разного уровня в родной стране; большой стаж работы переводчиком, в том числе судебным в принимающей стране; владение в равной степени как устным, так и письменным переводом; работа с органами дознания, полиции или только в судах.

Условия труда судебных переводчиков

Большая часть опрошенных переводчиков отмечала в интервью, что их никто подробно не консультировал, как вести себя в суде или во время следственных действий, а с особенностями юридических процедур и специализированной терминологией они знакомились

самостоятельно. Только один из переводчиков упомянул о том, что рекомендовавший его руководителю бюро в качестве сотрудника *«водил меня на судебные заседания, в которых участвовал сам, потом объяснял все особенности работы на следствии»* (судебный переводчик, Москва). Вместе с тем переводчики, имевшие опыт работы в государственных структурах или опыт преподавательской работы в родной стране, отвечая на вопрос о необходимости подробных инструкций или специальной подготовки, подчеркивали, что *«любой образованный человек сразу поймет, как себя вести и что делать»* (судебный переводчик, Санкт-Петербург).

Никто из информантов не упоминал о наличии устоявшихся процедур или форм передачи опыта от одних переводчиков другим внутри бюро. Обмен информацией и обсуждение практик перевода, как и сопутствующих этому сложностей, по их словам, происходит на межличностном уровне — между теми, у кого налажены личные контакты благодаря родственникам или знакомым внутри диаспоры, а также между теми, кто включен в какие-то социальные отношения помимо работы. Тем самым не происходит превращения обсуждаемых дел как кейсов в общее некодифицированное знание, из которого конкретный переводчик может черпать соответствующие стратегии поведения.

Как правило, первоначально переводчик работает по официальным заявкам, которые сотрудники судов, органов полиции или следствия направляют в бюро переводов. В этот период он/она либо устанавливает и затем поддерживает прямые рабочие (нередко и неформальные) контакты с сотрудниками правоприменительных органов, либо так и продолжает работать по официальным заявкам из бюро. Выбор стратегии зависит не только от уровня фактической квалификации, которым обладает переводчик, но и от социальной компетентности, умения наладить рабочие и неформальные отношения с сотрудниками правоприменительных органов, но самое главное — от того, насколько переводчик соответствует требованиям правоохранительных органов или суда.

В отличие от коллег, занятых переводом во время конференций, семинаров или иных заседаний, которые работают группами, сменяя друг друга, судебные переводчики работают по одному. Это значительно увеличивает нагрузку, поскольку судебное заседание или следственные действия могут длиться часами, а просьбы о перерыве со стороны переводчика рассматриваются как нежелательные. Нередко начало судебного заседания переносится в ожидании, например, доставки подсудимых или приезда адвоката, что оценивается переводчиком как пустая трата времени. Это может помешать его присутствию на другом запланированном заседании или участию в следственных действиях. Такое «свободное» время обычно заполняется общим разговором с родственниками подсудимого или обсуждением с ними каких-либо аспектов взаимодействия с адвокатом, поведения в зале

судебных заседаний, ответов на возможные вопросы со стороны участников заседаний. Согласно нашим наблюдениям, разговоры с адвокатом происходят крайне редко и, как правило, по его инициативе.

На досудебной стадии переводчик также довольно часто вынужден ожидать, когда начнутся следственные действия и он сможет приступить к своим обязанностям. В ряде случаев ему приходится приезжать в отделение поздно ночью или рано утром, если следователь обращается к нему напрямую, и только потом оформлять соответствующие документы о проведенной работе для предоставления их в бюро. Иногда по причине болезни или совпадения даты заседания с какими-то другими обязанностями переводчик вынужден просить о замене. В некоторых случаях он сам появляется только на одном заседании или одном следственном действии, заменяя коллегу. Другими словами, условия работы судебного переводчика характеризуются неравномерностью занятости, ненормированностью рабочего дня, отсутствием закрепленного за ним рабочего места, постоянной необходимостью перемещаться между отделением полиции, управлением Следственного комитета, СИЗО и судом. При этом у него, как правило, нет возможности ознакомиться с материалами дела и вникнуть в содержание того, что он будет переводить, что усложняет качественное выполнение переводчиком своих функций.

В целом деятельность судебного переводчика включает в себя перевод диалогов, отличительными чертами которых являются быстрое чередование фраз, фальстарты, перекрывающаяся или непредсказуемая речь, причем как в последовательном, так и в одновременном (т.е. синхронном) режимах. При этом не предполагается, что переводчик делает заметки. Интервьюируемые переводчики отмечали, что хотя они и имеют право переспросить, если не расслышат сказанное, или задавать уточняющие вопросы, однако крайне редко этим пользуются, не желая ухудшить впечатление о себе как о специалисте. Только опытный переводчик может позволить себе попросить участников процесса остановиться. Подобным образом и просьба судье, прокурору или следователю снизить темп речи также рассматривается как неприемлемая. Один из переводчиков отметил, что в самом начале своей карьеры он обратился с подобной просьбой к прокурору, но увидел *«такое выражение лица»*, что уже никогда не решался повторить этот опыт (судебный переводчик, Санкт-Петербург).

Судебные процессы с участием мигрантов демонстрируют асимметричность властных отношений между юристами и переводчиками. В частности, это выражается в том, что судьи и прокуроры редко следят за тем, чтобы говорить медленно, учитывая присутствие переводчика. Но и сами переводчики рассматривают свое участие в процессе инструментально, почти никогда не высказывают какие-то замечания или пожелания. Лишь на одном из наблюдаемых заседаний переводчик

переводил каждое сказанное судьей предложение, тем самым вынуждая ее делать паузы. После заседания этот переводчик, оказавшийся руководителем бюро, объяснил, что в рассматриваемом деле очень много деталей и ему сложно успевать за судьей и прокурором. Поэтому он решил переводить по одному предложению: *«слишком много сил требует перевод, я устану быстро, а мне целый день еще работать»* (руководитель бюро переводов, Санкт-Петербург).

Как правило, переводчики стремятся подстраиваться под быстро говорящих участников процесса, хотя остаются недовольны этим, о чем они упоминали в интервью, жалуясь на сложности перевода в таких условиях. Большинство переводчиков, наблюдаемых в судебных заседаниях, выслушав чрезвычайно быстро и тихо проговариваемый судьей текст постановления или отказа в приобщении к материалам дела представляемых стороной защиты документов, ограничивались только короткими фразами или выразительными взглядами в сторону подсудимого. Тем самым, судебные переводчики не только не выполняли свои прямые обязанности, но и практически лишали подсудимого возможности понимать происходящее и выражать свою позицию.

Описания информантов свидетельствуют как об отношении юристов к деятельности переводчика, так и о том, что организация перевода в судах не позволяет переводчикам качественно выполнять свои обязанности, поскольку *«чтобы был нормальный последовательный перевод, судья, прокурор должны делать паузы, проговорить, остановиться, а я после этого переведу»* (судебный переводчик, Санкт-Петербург). В этом аспекте работы судебного переводчика заметна разница в судах первой и второй инстанций. Во второй инстанции при обжаловании приговора *«судьи вынуждены вникать в дело, поэтому они хотят сами понять, они заинтересованы в качестве, в том, чтобы делать паузы и мне позволять четко и точно все произносить»* (судебный переводчик, Санкт-Петербург). Кроме того, в отличие от судов первой инстанции *«в апелляции заставляют все переводить: вот они зачитали ходатайство, и я должен его полностью переводить <...> это специально, чтобы не придрался никто, если дойдет до третьей инстанции»* (судебный переводчик, Москва).

По словам судебных переводчиков, лексически устный перевод, как правило, не вызывает особых сложностей, поскольку касается простых бытовых действий: *«пошел туда, взял то и так далее, рутина, к которой очень быстро привыкаешь, все одно и то же»* (судебный переводчик, Москва). Вместе с тем в судах первой инстанции возможны ситуации, требующие знания специальной, и не только юридической, терминологии и не предусматривающие возможность использования соответствующих словарей: *«Во время заседания вдруг понадобилось озвучить судебно-медицинскую экспертизу, передают мне и вот переводы с листа. Там же термин термином*

погоняет, я как это могу знать, я первый раз ее вижу? И вот тут действительно себя забудешь от напряжения» (судебный переводчик, Москва). Таким образом, специфика работы судов различной юрисдикции предполагает разный уровень подготовки переводчика, а также учет отличающихся требований, которые предъявляются к переводу.

Письменный перевод как более ответственный и формализованный этап работы осуществляется не в бюро, а исключительно дома. Для его подготовки, учитывая рваный режим работы, переводчику нередко приходится захватывать и ночное время или, *«чтобы успеть перевести, иногда и выходные беру на основной работе... тексты неоднородные, в каком-то деле будет много ссылок на нормативные документы, а остальное, например, допрос: туда пришел, это взял — одним глазом смотришь, руками набираешь... самое сложное — экспертизы, там термин термином погоняет...»* (судебный переводчик, Москва). Вместе с тем информанты упоминали практику использования некоторыми переводчиками машинного перевода. В одних случаях это делается в связи с недостаточной квалификацией переводчика, в других — в силу ограниченности времени. Сотрудники суда, в свою очередь, описывали случаи, когда переводчик забывал отредактировать подобный текст, а случайное выяснение данного обстоятельства приводило к потере доверия к нему со стороны судьи и усиливало сомнение в квалификации переводчика. После этого судьи старались в дальнейшем не допускать участия таких переводчиков в судебных процессах.

Переводчики в зале суда: пространственное и социальное измерение

Во время судебного заседания расположение переводчика обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, переводчик — едва ли не единственный из участников судебного процесса, кто может свободно перемещаться по залу. Решение о необходимости передвижения переводчик, как правило, принимает самостоятельно, руководствуясь потребностями обвиняемого. В том случае, если подсудимый совершенно не владеет языком судопроизводства и возникает необходимость синхронного перевода, переводчик может подойти близко к месту его расположения. Тем не менее обычно переводчик или сидит за столом рядом с адвокатом, иногда даже спиной к подсудимому (что, конечно, не способствует качественному выполнению обязанностей), или встает и работает стоя, развернувшись вполоборота к подсудимому и к суду, что позволяет ему быстро реагировать на происходящее.

Отдельно необходимо упомянуть заседания, которые проводятся по видеоконференцсвязи. В такой ситуации переводчик сидит за столом и вынужден тянуться к стационарному микрофону, по каким-то причинам закрепленному ближе к противоположной стороне стола.

Тем самым переводчику приходится приподниматься и в полусогнутом положении говорить в микрофон, время от времени поднимая глаза на подсудимого. *«Сложнее, гораздо сложнее работать во время видеоконференцсвязи, непонятно, слышит он или нет»* (судебный переводчик, Санкт-Петербург).

Проведение судебных заседаний по видеоконференцсвязи было введено с целью экономии финансов, сил сотрудников и времени, необходимого для доставления подсудимых в суд. Однако в условиях дистанционности позиция подсудимого становится особенно уязвимой, поскольку возникают сложности в его взаимодействии с адвокатом, который не может общаться с ним доверительно и без свидетелей. Фактически такая ситуация приводит к тому, что подсудимый начинает напрямую обращаться к переводчику за разъяснениями, поскольку он не понимает юридических терминов, последовательности судебной процедуры. Например, на одном из заседаний подсудимый отвечал на вопрос судьи, не зная разницы между тем, о чем он должен говорить «в прениях» и «в заключительном слове». Переводчик выслушал его ответ и сказал, обращаясь к судье: *«Он хочет все рассказать с самого начала, что было»*. Судья, ничего не объясняя, ответила: *«Не надо, сейчас прения»* (дневник наблюдений, городской суд, Ленинградская область, 20.04.2019).

Социальное и профессиональное взаимодействие в делах с участием мигрантов вызывает особое напряжение у юристов, в том числе судей, так как непонимание подсудимым процедуры и задаваемых ему вопросов вынуждает юристов упрощать вопросы, чтобы отвечать на них можно было только однозначно. С одной стороны, это требует дополнительных усилий со стороны юристов. С другой стороны, такие упрощения не позволяют подсудимому в полной мере отстаивать свою позицию. В то же время судьи нередко считают, что подсудимые злоупотребляют услугами переводчика, т.к. на самом деле они понимают по-русски, а перевод предоставляет им дополнительное время для обдумывания ответов. В отдельных случаях такие подозрения оправданы, что подтверждали сами переводчики, приводившие примеры из собственной практики, когда они понимали, что подсудимый использует их присутствие в своих целях, поскольку вообще не реагирует на перевод, не вслушивается и не задает уточняющих вопросов. Напряжение между юристами и переводчиками может возникнуть в ситуации, когда задержанный или обвиняемый отказывается от одного за другим от приглашенных переводчиков на основании того, что у них другой диалект и он их плохо понимает. Переводчики объясняли такое поведение подсудимого стремлением затянуть процесс, т.к. *«если человек родился, учился, живет в Узбекистане, то должен понимать, его учили писать и читать на государственном узбекском языке»* (судебный переводчик, Москва).

Юристы привыкли не обращать внимание на непонимание подсудимым специальной профессиональной терминологии и незнание процедурных особенностей. В отношении подсудимых-мигрантов это игнорирование становится еще более очевидным. Подсудимый может обратиться к переводчику, но переводчик может делать какие-либо пояснения и разъяснения только с разрешения суда. В то же время судьи подчеркнуто внимательны к любым разговорам переводчика вне зоны судебного или прокурорского контроля. Например, на одном из заседаний судья сделала замечание переводчику, поскольку она увидела, входя в зал, что переводчик разговаривает с подсудимым. Во время заседания о продлении срока содержания под стражей судья обратила внимание на то, что переводчик долго что-то говорит подсудимому: *«Почему Вы так долго разговариваете, ведь был задан простой вопрос?»* Переводчик ответил, что *«человек не понимает, почему он здесь и что происходит, я ему объясняю»* (дневник наблюдений, районный суд, Санкт-Петербург, 18.12.2019).

В некоторых случаях судья, привычно использующий юридическую терминологию и увидевший непонимание со стороны подсудимого, начинает обращаться напрямую к переводчику, упоминая подсудимого в третьем лице: *«Вы скажите ему, чтобы он сказал, почему он не согласен с постановлением суда»* (дневник наблюдений, районный суд, Санкт-Петербург, 24.12.19). Если обвиняемый или подсудимый совершенно не владеет русским языком, судья или следователь в какой-то момент начинает в большей степени разговаривать с переводчиком, обращаясь к нему с просьбами уточнить ту или иную информацию. Объективно это приводит к фактическому отстранению обвиняемого от участия в слушаниях или процедурах расследования или, по крайней мере, сводит такое участие к минимуму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С позиций социологической концепции П. Бурдье осуществлен анализ деятельности судебных переводчиков. В статье выделены особенности рекрутинга судебных переводчиков, которые в значительной степени определяются набором требований со стороны институциональных акторов юридического поля. Как показали результаты исследования, условия работы судебных переводчиков характеризуются неравномерностью занятости, ненормированностью рабочего дня, отсутствием закрепленного

за ними рабочего места, постоянной необходимостью перемещаться между различными учреждениями правовой сферы, что свидетельствует о прекарном характере их профессиональной деятельности. Сообщество судебных переводчиков характеризуется неоднородностью по своему социальному составу, уровню credenциального ресурса, легальности статуса. Различные виды капитала неравномерно распределены между представителями данной профессиональной группы. Выбранный дизайн исследования позволил выделить критерии стратификации судебных переводчиков.

В судах первой и второй инстанций заметна разница в условиях работы переводчиков и требованиях к ним. В частности, специфика работы судов различной юрисдикции требует от переводчика разного уровня подготовки, например знания специальной, в том числе неюридической терминологии, и готовности продемонстрировать его в любой момент судебного процесса. Организация перевода в судах не позволяет переводчикам качественно выполнять свои обязанности и вынуждает их адаптироваться к требованиям и ограничениям, задаваемым структурой юридического поля. Исследование зафиксировало структурно и эпистемически обусловленные разногласия между юристами и переводчиками, одним из негативных последствий которых является сведение к минимуму возможности для подсудимого понимать происходящее в зале суда и выражать свою позицию. В некоторых случаях это приводит к фактическому отстранению обвиняемого/подсудимого от участия в слушаниях или процедурах расследования.

Полученные данные свидетельствуют о том, что фактически судебные переводчики не являются полноправными акторами юридического поля, но исполняют техническую функцию, необходимую для нормального функционирования определенного сегмента данного поля. Судебные процессы с участием мигрантов демонстрируют асимметричность властных отношений между юристами и переводчиками, проявляющуюся, в частности, в том, что судьи и прокуроры редко следят за темпом своей речи, не учитывая присутствие переводчика. Большинство опрошенных переводчиков и сами рассматривают свое участие в процессе инструментально. В перспективе решение выявленных проблем видится в институционализации экспертной позиции судебных переводчиков, в лицензировании их деятельности, а также в специальной подготовке юристов к работе в процессах с участием переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Noordegraaf M. From "pure" to "hybrid" professionalism: present-day professionalism in ambiguous public domains // *Administration & Society*. 2007. № 39 (6). P. 761–785. DOI: 10.1177/0095399707304434
2. Kubal A. Spiral effect of the law: migrants' experiences of the state law in Russia – a comparative perspective // *International Journal of Law in Context*. 2016. № 12 (4). P. 453–468. DOI: 10.1017/S1744552316000215
3. Kubal A. In search of justice: migrants' experiences of appeal in the Moscow city court / Ed. by Kurkchiyan M., Kubal A. *A sociology of justice in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 92–117.
4. Reeves M. Living form the nerves: deportability, indeterminacy and the "feel of law" in migrant Moscow // *Social Analysis*. 2015. № 59 (4). P. 119–136. DOI: 10.3167/sa.2015.590408
5. Масловская Е.В. Судебные переводчики в расследовании уголовных дел: типы профессионального поведения и неформальные практики // *Социологические исследования*. 2021. № 2. С. 39–48.
6. Шматко Н.А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё / Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетейя, 2005. С. 554–576.
7. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
8. Anleu S. *Law and social change*. London: SAGE, 2009.
9. Масловская Е.В. Становление и современные тенденции развития социологии права в США и Великобритании // *Социологические исследования*. 2015. № 4. С. 87–95.
10. Sommerlad H. Researching and theorizing the processes of professional identity formation // *Journal of Law and Society*. 2007. № 34 (2). P. 190–217. DOI: 10.1111/j.1467-6478.2007.00388.x
11. Francis A. *At the edge of law: emergent and divergent models of legal professionalism*. London: Routledge, 2011.
12. Aliverti A., Seoighe R. Lost in translation? Examining the role of court interpreters in cases involving foreign national defendants in England and Wales // *New Criminal Law Review*. 2017. № 20 (1). P. 130–156. DOI: 10.1525/nclr.2017.20.1.130
13. Lee J. Conflicting views on court interpreting examined through surveys of legal professionals and court interpreters // *Interpreting*. 2009. № 11 (1). P. 35–56. DOI: 10.1075/intp.11.1.04lee
14. Morris R. Images of the court interpreter: professional identity, role definition and self-image // *Translation and Interpreting Studies*. 2010. № 5 (1). P. 20–40. DOI: 10.1075/tis.5.1.02mor
15. Norström E., Fioretos I., Gustafsson K. Working conditions of community interpreters in Sweden: opportunities and shortcomings // *Interpreting*. 2012. № 14 (2). P. 242–260. DOI: 10.1075/intp.14.2.06nor
16. Resta Z., Ioannidis A. A sociological approach to the professionalization of court interpreting in Greece // Ed. by Bajčić M., Dobrić Basanež K. *Towards professionalization of legal translators and court interpreters in the EU*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 66–82.
17. Inghilleri M. Habitus, field and discourse: interpreting as a socially situated activity // *Target*. 2003. № 15 (2). P. 243–268. DOI: 10.1075/target.15.2.03ing
18. Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ЦСПГИ, 2007. 408 с.

REFERENCES

1. Noordegraaf M. From "pure" to "hybrid" professionalism: present-day professionalism in ambiguous public domains. *Administration & Society*. 2007;39(6):761–785. DOI: 10.1177/0095399707304434
2. Kubal A. Spiral effect of the law: migrants' experiences of the state law in Russia – a comparative perspective. *International Journal of Law in Context*. 2016;12(4):453–468. DOI: 10.1017/S1744552316000215
3. Kubal A. In search of justice: migrants' experiences of appeal in the Moscow city court. In: Kurkchiyan M, Kubal A, editors. *A sociology of justice in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 92–117.
4. Reeves M. Living form the nerves: deportability, indeterminacy and the "feel of law" in migrant Moscow. *Social Analysis*. 2015;59(4):119–136. DOI: 10.3167/sa.2015.590408
5. Maslovskaya EV. Court interpreters in the investigation of criminal cases involving migrants: types of professional behavior and social practices. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021;(2):39–48. DOI: 10.31857/S013216250012811-5 (In Russ.).
6. Shmatko NA. Social space of Pierre Bourdieu. In: Bourdieu P. *Social space: fields and practices*. Saint-Petersburg: Aleteya, 2005. P. 554–576. (In Russ.).
7. Bourdieu P. *Social space: fields and practices*. Saint-Petersburg: Aleteya, 2005. 576 p. (In Russ.).
8. Anleu S. *Law and social change*. London: SAGE, 2009.
9. Maslovskaya E.V. Formation and current trends of development of sociology of law in the USA and Great Britain. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015;(4):87–95. (In Russ.).
10. Sommerlad H. Researching and theorizing the processes of professional identity formation. *Journal of Law and Society*. 2007;34(2):190–217. DOI: 10.1111/j.1467-6478.2007.00388.x
11. Francis A. *At the edge of law: emergent and divergent models of legal professionalism*. London: Routledge, 2011.
12. Aliverti A, Seoighe R. Lost in translation? Examining the role of court interpreters in cases involving foreign national defendants in England and Wales. *New Criminal Law Review*. 2017;20(1):130–156. DOI: 10.1525/nclr.2017.20.1.130
13. Lee J. Conflicting views on court interpreting examined through surveys of legal professionals and court interpreters. *Interpreting*. 2009;11(1):35–56. DOI: 10.1075/intp.11.1.04lee
14. Morris R. Images of the court interpreter: professional identity, role definition and self-image. *Translation and Interpreting Studies*. 2010;5(1):20–40. DOI: 10.1075/tis.5.1.02mor
15. Norström E, Fioretos I, Gustafsson K. Working conditions of community interpreters in Sweden: opportunities and shortcomings. *Interpreting*. 2012;14(2):242–260. DOI: 10.1075/intp.14.2.06nor

16. Resta Z, Ioannidis A. A sociological approach to the professionalization of court interpreting in Greece. In: Bajčić M, Dobrić Basanež K, editors. *Towards professionalization of legal translators and court interpreters in the EU*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 66–82.

17. Inghilleri M. Habitus, field and discourse: interpreting as a socially situated activity. *Target*. 2003;15(2):243–268. DOI: 10.1075/target.15.2.03ing

18. Yarskaya-Smirnova E, Romanov P, editors. *Professii.doc*. Social transformations of professionalism: views from outside and from inside. Moscow: TsSPGI, 2007. 408 p. (In Russ.).

ОБ АВТОРЕ

Елена Витальевна Масловская, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9759-5298>; eLibrary SPIN: 8550-6742; e-mail: ev.maslovskaja@socinst.ru

AUTHOR INFORMATION

Elena V. Maslovskaya, doctor of sciences (sociology), lead researcher; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9759-5298>; eLibrary SPIN: 8550-6742; e-mail: ev.maslovskaja@socinst.ru